

Константин СИБИРЦЕВ

ПОСЫЛКА

Рассказ

— Ну, наконец-то Канта привезли. Ну, сколько можно ждать?

Таким приветствием встретила жизнь отказника из роддома, доставленного зимним холодным утром в городской детский дом имени А. М. Горького. Здесь его давно и терпеливо поджидал завхоз учреждения с редчайшим и незабываемым именем-отчеством Иван Иванович. Без малейшего сомнения можно утверждать, что он был единственным человеком, ожидавшим появления новорожденного Канта.

Будучи искренним поклонником классической немецкой философии, Иван Иванович настойчиво и последовательно комплектовал из новоприбывших свою философскую группу названного направления. Его стараниями доставленный отказник практически с рук нянечки сразу влился в не всегда дружный коллектив, в котором уже были Гегель, Фихте, Шеллинг и не совсем удачно примкнувший к ним Людвиг Фейербах. В соответствии с замыслом завхоза новоприбывший отказник был назван Иммануилом по фамилии Кант и по сложившейся традиции в графе «отчество» было указано «Иванович», поскольку весь прочий персонал учреждения составляли исключительно женщины. Таким образом было официально зарегистрировано, записано в метрике и внесено в список воспитанников новое пополнение детского дома в лице Иммануила Ивановича Канта.

Пережив ясельно-грудной возраст, в следующую младшую возрастную группу Иммануил уже вошел под уменьшительно-ласкательным именем Моря. Нянечкам и воспитательницам так было проще. По фамилии его называли крайне редко, поскольку других с таким именем в списках воспитанников детского дома не значилось.

Кроме того, имелось еще одно обстоятельство, по причине которого Моря невозможно было с кем-то перепутать. Причина эта состояла в нем самом. На нем словно особым, каким-то непостижимым образом было обозначено то, что зачастую пафосно именуется чувством собственного достоинства. Достаточно одного взгляда — и все без малейших колебаний понимали, что это чувство у Мони категорически есть. И в этом не было никакого пафоса, или преувеличения, или тем более иллюзии. Просто он таким родился, просто он с этим чувством появился на свет. Для него оно было таким же естественным, как дыхание.

По сложившейся в детском доме практике основная задача всех воспитателей двадцать четыре часа в сутки состояла исключительно в том, чтобы чем-то и как-то занять собранных в этом несчастном месте совсем неподарков детей. Чтобы чем-то и как-то отвлечь их от бесконечных шалостей, проказ и проделок. Применительно к Моне эта задача была решена определением его в секцию борьбы в расположенном неподалеку

Константин Сибирцев родился в 1965 году в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области (в настоящее время Республика Казахстан). Образование высшее лингвистическое (военный переводчик, китайский и английский языки), кандидат исторических наук (всеобщая история). Живет на Тайване в г. Тайнань.

клубе «Динамо». На удивление тренер секции, увидев Моню, не упорствовал и согласился принять воспитанника детского дома в общую группу и, кроме того, экипировал его оставшейся от кого-то необходимой для занятий формой.

Тренировался Моня усердно, зло, нацеленно. Подолгу и много отработывал все приемы борьбы, которым учили в секции. Начал выступать на проводившихся соревнованиях, становился призером, побеждал, получал разряды. В секции же, кроме прочего, подружился со своим ровесником Петькой. Вместе с ним обычно спарринговали и частенько по приглашению Петьки бывали у его бабушки, жившей в аккурат по дороге из секции в детский дом.

Бывать у Петькиной бабушки Моне очень нравилось. Она всегда усаживала его за стол и угощала такими вкусностями, которые ему никогда не доводилось пробовать в детдомовской столовке. И не только угощала, а всякий раз собирала ему что-нибудь с собой, чтобы он порадовал своих друзей. Моня так и делал: приносил полученное угощение в детский дом и делил между своими.

Не знал Моня только того, что каждый раз, проводив его из дома, Петькина бабушка говорила своему внуку про судьбу-злодейку, которая так неправильно и так жестоко обошлась с его другом. Впрочем, Петька и сам об этом задумывался и не упускал малейшего случая, когда мог ему что-то передать якобы от своей бабушки или что-то подарить якобы от своего дедушки. Но, сделать это было чрезвычайно трудно. И все из-за Мониного дурацкого чувства собственного достоинства. Он все понимал и всегда наотрез отказывался от Петькиных подарков. Всякий раз уперто утверждая, что ему ничего не нужно.

Однако судьба не такая уж злодейка. Случились однажды у Петьки весьма удачные обстоятельства, крайне благоприятствовавшие возможности сделать Моне что-то приятное.

Какими-то неведомыми Петьке зигзагами школьной жизни он был назначен ответственным за сбор подарочных посылок страдающим от угнетения империалистами всех мастей детям Африки. Или Азии. Или Америки. Кто же помнит? По поручению пионерской дружины пришлось ему заняться приемом добровольных пожертвований от идейной, интернационально воспитанной школьной общественности. Принесли многие и много самых разных и зачастую полезных вещей: ручки, карандаши, тетради, линейки, канцелярские наборы, пеналы. Бывало, приносили теплые носки, варежки и шапки. Непонятно было только, зачем детям Африки шерстяные носки и варежки. Но Петька принимал все, ничего не заворачивая на возврат.

В итоге в школьной кладовке, распорядителем в которой был назначен Петька и предназначенной для хранения всего принятого, собралось изрядное количество весьма нужных вещей. В очередной раз перебирая и раскладывая их, у него и созрел шикарный план, как можно сделать так, чтобы Моня наконец согласился принять подарок. Тем более учитывая то обстоятельство, что страдающие дети Африки были далеко и он их совсем не знал, а его друг Моня был совсем рядом и знал он его очень хорошо. Кроме того, мучил вполне закономерный вопрос: чем его друг Моня хуже детей Африки? Только ему посылки никто не собирает и не отправляет.

План был прост и легко выполним. Посылочные ящики находились там же, в школьной кладовке, и содержимое для посылки было буквально у Петьки в руках. Как говорится, своя рука — владыка. Посылка была собрана быстро и толково. В посылочный ящик был уложен весь имеющийся набор канцелярских принадлежностей, поверх них легли шерстяные носки, варежки, теплый шарф, самая приличная из принятых зимняя шапка и для полноты укладки какая-то попутная мелочовка. Ящик накрыло приколотенной крышкой, на которой химическим карандашом крупными печатными буквами было выведено «Иммануилу Ивановичу Канту». Полное имя Мони Петька знал по

грамотам, которые они вместе получали, побеждая на всяческих соревнованиях. Дело было за малым: незаметно для других вынести собранную посылку из школы и передать ее Моне. И в этой части все сложилось чрезвычайно удачно. Под предлогом уборки в кладовке вынес приготовленную посылку из школы под видом мусора.

В тот же день, собираясь на тренировку, прихватил посылку с собой и при встрече с Моней в раздевалке застал его врасплох вопросом, а давно ли он записал Петю в свои почталыоны. Пока Моня пребывал в состоянии глубочайшего удивления, посылка ему таки вручилась и таки у него осталась.

— Просили передать. Тебе. Читать умеешь? — добавил ситуацию Петька.

— Это мне? — не верил Моня.

— Читай, что написано. Тебе, — поставил точку Петя, не оставляя Мони ни малейшего выбора в смысле в очередной раз отказаться от подарка, включив свое дурацкое чувство собственного достоинства.

В тот день Моня так и ушел к себе в детский дом с посылкой в руках.

Проблемы случились у Петьки. Совершенно предсказуемым образом, то есть благодаря бдительности какого-то очень идейного стукача, о выносе посылки стало известно завучам и директору. Ими было указано пионерской дружине разобрать персональное дело пионера Пети и применить к нему всю силу принципиальной ненависти к врунам и несунам. Дело его разбирали регулярно, долго, тщательно и строго. С большим пионерским азартом..

Собирали пионерскую дружину и всем пионерским коллективом клеймили позором Петю за случившееся. Слушая всякий раз гневные выступления товарищей в свой адрес и зацепившись однажды за слова о том, что их славная дружина не может махнуть на него рукой и будет бороться с его недостатками, Петя сорвался и совершенно искренне попросил:

— Уже махните на меня рукой, да я пойду.

Был огромный скандал, который смогла как-то замять бабушка. Однако тогда же спросила его, что он сделал с вынесенной посылкой. Петя во всем честно признался и был ошеломлен ее совершенно неожиданной реакцией.

— Ты все сделал правильно.

— Как же так, бабушка? — удивился Петя. — Что же они тогда меня топчут?

— Дураки потому что. Пошли они все в ж... вместе со своей Африкой. Ты все сделал правильно.

С того дня прошли годы. Моню и Петьку жизнь разбросала сразу после окончания школы. Петька поступил в московский институт, выучился на переводчика, послужил в армии, ее стараниями дважды командировался в ту самую Африку, страдающим детям которой его усилиями когда-то не доехала одна посылка. Моня после окончания школы работал на заводе в литейке, где хорошо платили. В свои законные восемнадцать лет был призван в армию. Во время присяги изумил присутствующего генерала чтением текста, в его случае начинавшегося словами: «Я, Кант Иммануил Иванович, вступая в ряды Вооруженных сил СССР, принимаю военную присягу и перед лицом своих товарищей торжественно клянусь...» Сполна отдал свой священный детдомовский долг родине, сверх тарифа доплатив его интернациональной помощью страдающим детям Азии.

Однако судьба, но не злодейка вновь их встретила в родном городе, в который они вернулись после всех своих странствий, лет эдак через десяток после окончания школы. Встретились в секции борьбы, куда они не сговариваясь, но в одно время зашли, чтобы навестить тренера и поблагодарить его за науку, много раз их выручавшую.

Уже вместе вышли от него и вскоре вместе же оказались живущими в новой стране, которая им обоим оказалась ровным счетом ничего не должна. Но радовало уже то, что и они ни прежней стране, ни новой тоже не были ничего должны.

С нуля, но без долгов начали жизнь заново в новой стране. Не растерялись, не потерялись, выжили и обжились. Обросли семьями, детьми, домами. Работая вместе, собрали неплохую команду, в которой судьбы старых и новых общих друзей во многом были похожи на их собственные. Любили общей компанией ходить в баню, где в перерывах между заходами в парную за рюмкой чая говорили много и о разном.

В один из таких дней в одно из таких застолий Моня и вспомнил вдруг о той самой врученной ему Петькой посылке. И уже его застал врасплох своим вопросом, не помнит ли он о том случае. И не вариантом было сослаться на забывчивость. Пришлось признаться, что помнит, и удивиться, чего вдруг Моня об этом заговорил.

— Ну, как ты не понимаешь, Петя! Чтобы ты знал, в моей жизни это единственная посылка, которую я получил. Их не было ни до, ни после. Ни от кого! Никогда! Ни разу! Я про нее никогда не забывал и не забуду. Тот день, когда ты мне ее передал, был самым счастливым днем моего детства. Помню, как после тренировки я возвращался с этой посылкой в руках, и мне казалось, что все на меня смотрят и мне ужасно завидуют. Я точно знал, что про меня кто-то знает, обо мне думает, что я не один. Пришел в детдом, гордо у всех на глазах открыл посылку, разделил все, что в ней было, между друзьями, а себе оставил только зимнюю шапку. Я ее до сих пор храню, — неожиданно разоткровенничался Моня. И уже с плохо скрываемой надеждой продолжил расспрашивать: — Ничего не хочешь мне рассказать? Может быть, вспомнишь что-то еще? Какие-то детали. Мне это очень важно знать. Ну, вспоминай, Петр.

Это провал. Полнейший провал. Вся легенда, придуманная школьником Петькой в далеком затертом году, начинала трещать по швам. Срочно, очень срочно необходимо было что-то допридумывать. Иначе беда. Подарить однажды другу надежду и вероломно лишить его этой самой надежды. Так неправильно, так нельзя. Человек без надежды, как карабин без патрона: все механизмы исправны, прочищены, смазаны, но без патрона карабин никогда не выстрелит. Значит, никому не нужен. С Моней так нельзя.

— Моня, вспоминать особо нечего. Рассказываю все, что знаю. Не обессудь, — подстраховался Петр, быстро соображая, что говорить, и хорошо зная, что для убедительности версии она должна быть подкреплена максимально возможным количеством проверяемых мелких деталей. — Ты же бывал у меня в школе. Наверняка помнишь вахтершу Музу. Она всегда дежурила на первом этаже у входа.

— Отлично помню, — подтвердил Моня. — Когда я приходил, она всегда угощала меня пирожками из школьной столовой.

— Так вот, как-то во время занятий заглянула она в класс и отпросила меня с урока на пять минут. Довела до своей дежурки, показала на посылку, на надпись на ней и спросила, знаю ли я про этого Канта. Я сказал, что знаю: твою фамилию не спутаешь. Она рассказала, что приходила молодая приятная пара, оставила ей эту посылку и просила через меня тебе передать. Я и передал. Все. Больше ничего не знаю. Честно, — закруглил на ходу допридуманную версию Петр.

— Все сходится, — хлопнул по столу Моня, — они есть. Есть. Мои родители. Моя семья. Только почему не объявляются?

— Ну, может быть, есть причина? — осмелился предположить Петр.

— Какая такая причина? Что ты несешь? Что ты понимаешь? Я же есть, и они есть. Ну, что-то случилось, что-то не получилось. В жизни всякое бывает. Ничего страшного в том, что получилось так, а не так, как должно было быть. Все можно понять,

все можно исправить. Ну, объявились бы. Встретились бы. Может быть, им помощь нужна, деньги. Я бы помог, денег бы дал. У меня бы жили. Дом я отстроил, места тьма: в футбол можно играть. Внуками бы занимались. Что не так?

Немая сцена. Вопрос буквально повис в воздухе. Все, кто был, изумленно молчали. Очнувшись от изумления, принялись соглашаться и уверять Моню, что все именно так и будет. Рано или поздно. Но будет именно так. Ну, просто потому, что именно так правильно. Финальным выстрелом был тост Мони «За родителей». Более эту тему не затрагивали.

После тоста и выпитого Петр вышел на воздух и отрезвел ровно за мгновение. Мозг работал быстро и точно: Моня будет копать. Никаких сомнений. И вся новая версия разлетится в клочья. Необходимо было срочно что-то предпринимать. Лететь в бывшую школу, находить вахтершу Музу и проводить с ней спасительный инструктаж. И делать это надо было немедленно. Плевать на все, на алкоголь в крови, на гайцов. Прыгать в авто и лететь в школу. Моню нужно опередить.

Вернувшись к столу, хлебнул сока и, сославшись на срочное дело, метнулся в школу. В пристройке к ней и жила в свое время вахтерша Муза, в войну эвакуированная в Сибирь из блокадного Ленинграда. Постучался в дверь. На крыльцо вышла незнакомая женщина и сообщила, что Муза долго болела и умерла два года назад. Было грешно признаться, но эта новость была не из разряда самых плохих. И такое бывает.

В итоге, наспех придуманная версия оказалась очень удачной. На этом месте поиски Мони будут прерваны, но надежда таки останется. Наилучший вариант из всех возможных.

Так оно и случилось.

Только всякий раз, когда дочь Елизавета по какой-то причине упоминает философа Канта с его моральным законом в себе и звездным небом над головой, Петр вспоминает своего друга Моню. Который уже летнадцать назад вместе с семьей переехал в Австралию, где благополучно живет и, уверен Петр, продолжает ждать когда-то оставивших для него посылку, но вновь потерявшихся родителей. А свою дочь Петр удивляет упоминанием о личном знакомстве с Кантом. С тем, который, по его твердому убеждению, знает о моральном законе и звездном небе куда больше своего однофамильца философа.